

7. История политических партий России. М., 1994.
8. *Захарова-Цедербаум К.И., Цедербаум С.И.* Из эпохи «Искры» (1900-1905 гг.). М. – Л., 1926.
9. Казанская большевистская организация в 1917 г. Татгосиздат, 1933.
10. *Кургаева Ж.Ю.* Местные организации партий социалистической ориентации Среднего Поволжья в 1917 году: проблема взаимоотношений: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань, 1995.
11. *Наякшин К.Я., Рутберг Г.Н.* Большевики Поволжья в период русской революции 1905 – 1907 гг. Саратов, 1977.
12. Очерки истории партийной организации Татарии. Казань, 1962.
13. Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов, 1977.
14. Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993.
15. *Романова Н.А.* Большевики Поволжья в 1917 году: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Самара, 1998.
26. РЦХИДНИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 18. Л. 1, 3.
17. *Самсонов М.И.* Саратовская организация РСДРП в 19101 – 1905 гг. // 1905 год в Саратовской губернии (по материалам жандармского управления). Саратов, 1925.
18. *Спиридович А.В.* Записки жандарма. М., 1991.
19. *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 2. Кн. 3 – 4.
20. *Точеная Н.Г., Точеный Д.С., Точеный М.Д.* Симбирские большевики в 1917 – 1920 гг. Ульяновск, 2003.
21. *Тютюкин С.В.* Большевикизм: страницы истории. СПб., 1992.
22. *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* РСДРП в годы первой российской революции // Реформы или революция? Россия. 1861 – 1917. СПб., 1992.
23. *Ходаков Г.* Очерки истории Саратовской организации КПСС. Саратов, 1957. Ч. 1.
24. *Цейтлин Р.С.* В борьбе за солдатские массы. Казань, 1987.
25. *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1968. Кн. 1.

УДК 94(47)

Н.В. Шалаева

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ВЛАСТИ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ 1920-х годов (к вопросу о культе В. Ленина)

В статье рассмотрен период 1920-х гг. как время формирования основных тенденций эволюции советской культуры, освещена проблема культа личности В.Ленина. Опираясь на работы отечественных и зарубежных историков, автор исследует причины формирования культа Ленина. Автор стремится показать, что были сформированы предпосылки культа личности, что Ленин уже при жизни становился воплощением революции и советской власти.

Ключевые слова: советская культура, власть, образы власти, культ, революция.

N.V. Shalaeva

THE MECHANISM OF AUTHORITY IMAGE FORMATION IN THE SOVIET CULTURE OF 1920s (V. Lenin's cult)

The article considers 1920th as a period when main tendencies of evolution of the Soviet culture were established. The author focuses on V. I. Lenin's personality cult. Having studied Russian and foreign historians the author examines reasons behind Lenin's personality cult formation. The author proves that prerequisites for personality cult were formed during V. I. Lenin's lifetime when he was becoming a symbol of revolution and the Soviet authority.

The key words: Soviet culture, authority, images of authority, cult, revolution.

Механизм воздействия власти на культурные процессы к началу 1920-х гг. еще не был выработан вследствие ее слабости и неразвитости, необходимости вести борьбу за выживание в условиях Гражданской войны. Это состояние власти привело к тому, что, несмотря на стремление формировать контроль над культурой с первых месяцев своего существования, культура в целом продолжала развиваться по своим законам, что способствовало ее многообразию. Но после 1921 г. политическая ситуация стала меняться. «Культурная революция», развернувшаяся в это десятилетие, была призвана создать «в разительном противоречии с повседневным опытом вымышленный мир, в который

должны были уверовать советские люди» [9, с. 365]. Для этого необходимо было поставить под контроль культурные процессы, сформировать общественное сознание. В связи с утверждением марксизма культуре 1920-х гг. стала свойственна двойственность и противоречивость: с одной стороны – свобода творчества и художественного выражения, сохранившаяся еще как проявление революционного обновления, к которому призывали футуристы; а с другой стороны – началось инициированное властью формирование механизма контроля и силового воздействия на культурные процессы.

Столкновение альтернатив культурного развития привело к тому, что обозначились тенденции, отразив-

шие политическое размежевание российского общества и творческой интеллигенции. Первая связана с отрицанием и неприятием новой власти, что нашло свое отражение в эмигрантской литературе. Вторая вызвана стремлением представителей творческой интеллигенции к самосохранению и выживанию в мире разрухи и кризиса. Со стороны интеллигенции это была попытка осмысления революционных изменений и процессов, которые происходили в России, желание понять и возможно признать новую власть. Но вместе с тем в прессе, в независимых журналах и газетах, в письмах критике были подвергнуты методы новой власти, при помощи которых насаждались коммунистические идеи. Политика военного коммунизма вообще воспринималась как крах социалистических идей. «Вводя немедленно коммунизм, вы надолго отбили охоту даже от простого социализма, введение которого составляет насущнейшую задачу современности» [5, с. 34].

Третья тенденция развития русской культуры была представлена теми, кто принял, признал и поддержал власть, но неоднозначно. Некоторые впоследствии признавались, что увлечение революцией было общим заблуждением:

Я утопала во дни Октября
В словесном шитье и кройке.
Увы! Ошибка не только моя,
Но моей социальной прослойки! [5, с.10]

Э. Багрицкий признавался: «Моя повседневная работа – писание стихов к плакатам...была только...способом добывать хлеб», тогда как истинные помыслы и художественные интересы были связаны с Серебряным веком, с легендой о граде Китеже [1, с. 34].

Так или иначе тенденции развития культуры нашли свое отражение в представлении о власти, не всегда отвечавшие ее интересам и потребностям. Поэтому советская власть, ее представительные органы стремились к созданию собственных образов, отражавших идеологию марксизма и идеи господства мирового пролетариата. В годы Гражданской войны образ власти носил достаточно абстрактный характер. В обществе шли споры скорее о задачах культуры, о ее предназначении, в результате чего все более четко проступал утилитарный подход в понимании ее предназначения. Но постепенно новая власть стала приобретать реальные черты, и начался процесс ее конкретизации, персонализации и ритуализации. Если к началу 1920-х гг. власть ассоциировалась со многими лидерами советского государства, то уже к 1922 г. самым непререкаемым авторитетом в сознании рабочих и крестьян становится Ленин. В этот период времени стал утверждаться культ Ленина, в котором можно увидеть черты механизма формирования культа Сталина, элементы традиционного русского сознания – веры в доброго «царя-батюшку», заступника Отечества и простого люда. Несмотря на авторитет других лидеров советского государства, именно Ленин сознательно начинает связываться с образом власти, с коммунистическим будущим, с задачами социального контроля.

На вопрос о том, кто и когда начал процесс формирования культа Ленина, сегодня нельзя дать однозначного ответа. Так, например, Н. Тумаркин в своей работе, написанной еще в 1980-е гг., однозначно говорит о том, что возникновению культа способствовал сам Ле-

нин. Она доказывает это на примере поведения вождя, его участия в активной пропаганде идей советской власти и т.д. Она говорит о том, что Ленин сознательно принял на себя роль высшего авторитета власти, стремясь сохранить его до конца жизни [11]. Позиция американской исследовательницы не бесспорна. На рубеже 1910 – 1920-х гг., после победы большевиков, идет процесс политической эволюции Ленина от профессионального революционера, жившего за границей и часто инкогнито, к политику, главе первого рабоче-крестьянского правительства, который должен осознавать проблемы общества и уметь их решать. И Ленин как политик, безусловно, понимал необходимость создания определенного политического образа, что было обусловлено поиском и сценариев власти, и формированием механизмов ее восприятия. Отсюда активное участие Ленина в первом субботнике, который имел еще одно значение – стать символом единства пролетарского труда, в основе которого лежал трудовой энтузиазм. Отсюда и отказ от телохранителей, чтобы не быть отдаленным от народа, его простота и доступность в общении. Надо при этом заметить, что аналогичные политические образы выстраивало и окружение Ленина, дополняя их символикой соратников и верных последователей вождя.

В то же время Ленин был не единственным вождем революции. Не менее яркая личность, ставшая во главе переворота в октябре 1917 г., Л. Троцкий также претендовал на роль лидера. Великолепный оратор, военный авторитет и политик, он прекрасно осознавал необходимость создания собственного образа вождя. Так, например, по его инициативе осуществлялись первые переименования русских городов и населенных мест, которые получили в том числе и имя Троцкого. В 1922 г. Гатчину называли Троцком (Петроград еще не был Ленинградом), а на книжных лотках лежали брошюры, где Троцкого называли «экстрактом революции» и ее «душой». На смерть Ленина последний салют отдал поднявшийся по Неве миноносец «Троцкий», портреты Троцкого можно было встретить во всех государственных учреждениях.

Другой вопрос, который неизбежно встает перед исследователями: формировал ли Ленин сам свой культ? Н. Тумаркин рассматривает Ленина как председателя Совнаркома, как политика, давая положительный ответ на этот вопрос. Анализируя этот период, можно утверждать и то, и другое, исходя из процесса его собственной эволюции. В период первых двух лет советской власти в нем еще сохраняются черты революционера, твердо уверенного в правильности революционных методов управления государством. Он леворадикальными методами реализует программу новой жизни, утверждая ее декретами политики военного коммунизма. И в этом смысле его больше волновало прямое и быстрое введение коммунизма, образ врага, в качестве антитезы которому выступала советская власть в образе друга и защитника. И только ближе к 1921 г. мы можем говорить о начале становления в Ленине политика, пусть и с революционными взглядами. После Кронштадтского кризиса 1921 г. как политик он серьезно обращается к проблеме восприятия власти и ее образам. Поэтому для него важна простота и доступность общения с людьми, что отражается на восприятии власти в целом.

Другое дело – соратники Ленина, которые способствовали формированию культа еще при его жизни [13]. Уже в 1918 г. Троцкий и Зиновьев наделяли Ленина титулами «провидца», «апостола мировой революции», а определение американского фантаста Г. Уэллса – «кремлевский мечтатель» – стало символом устремлений советской власти, сконцентрированной в воле одного человека. Появление ленинского культа связано с тем, что фигура Ленина достаточно быстро приобретает знаковый характер и сознательно ассоциируется с образом власти. Речь не идет о личном культе вождя революции (он появился скорее после его смерти), а о создании образа власти, ассоциируемой с личностью. Ленин – олицетворение революции, рабочего класса и мирового пролетариата, а не реально живший человек.

В то же время окружение Ленина использовало формирующийся культ как средство борьбы за власть после смерти вождя. Каждый доказывал не столько свою близость к Ленину, сколько правопреемственность лидеру. В то же время культ Ленина стал одним из механизмов борьбы за власть и способом устранения политических противников.

Созданию образа Ленина активно способствовала формирующаяся советская литература. В ходе дискуссий о пролетарской советской культуре, базовой точкой в рассуждениях и понимании места и роли культуры являлись статьи Ленина. Обращение к ним и оперирование цитатами приводило к пониманию того, что только Ленин точно знал, какая нужна литература, культура советской власти. Тем самым создавалось понимание энциклопедичности знаний «вождя мирового пролетариата», которое начинает пониматься как истина:

Он нам дорог не как личность. В нем слилась для нас свобода.

В нем слилось для нас стремленье, в нем – веков борьбы грядя.

Он немислим без рабочих, он немислим без народа.

Он немислим без движенья, он немислим без труда. [7, с. 66]

В словах поэта представлена официальная позиция партии, нашедшая свое отражение в деятельности Агитпропа и Главполитпросвета, сформулированная К. Радеком: «Ленин – квинтэссенция рабочей русской революции. Он, можно сказать, олицетворение ее коллективного ума и ее смысла» [4, с. 89].

Если обратиться к теории культа Ф. Бурлацкого, то можно выделить три составляющих формирования культа: жажда власти, наличие политической воли, способной вести к борьбе и наличие окружения политика, способного формировать определенный образ вождя или политического лидера [3]. Если приметить эту теорию к пониманию культа Ленина, то, безусловно, со вторым положением даже не приходится спорить. Первое положение скорее доказывает, что Ленин стремился не столько к личной власти, сколько к власти коллективной. Но ему неоднократно приходилось пользоваться и личным влиянием, вплоть до давления на соратников по партии. Третьей элемент доказывает, что не столько Ленин сам формировал культ, сколько его окружение, что особенно ярко проявилось уже в период болезни и после смерти.

Активное развитие культа Ленина началось в период его тяжелой болезни и после смерти. Контролировать процесс собственного превращения в идола он был не в состоянии. Массированный поток информации о его болезни, постоянно публикуемые бюллетени здоровья вождя, демонстрация документальных кинолент, запечатлевших его здоровым, не могли не сказаться на психологии восприятия образа Ленина и власти в сознании простого человека. Образ величайшего человека, сумевшего заглянуть в будущее (как, например, был выписан Ленин в «Хождениях по мукам» А. Толстого), гения, поднявшего на борьбу мировой пролетариат, становится ведущим в понимании образа власти.

При жизни, насколько это было возможно, Ленин сопротивлялся подобной репрезентативности своего образа, но его смерть открыла неограниченные возможности для развития культа вождя. В газетах и журналах объявляются конкурсы на создание мавзолея и лучшего скульптурного портрета Ленина, ход которых широко освещался в прессе и при помощи селькоров в деревне, агитотрядов. При этом на первый план выходит задача создания образа не только вождя мирового пролетариата, но и простого, близкого и понятного разуму полуграмотного рабочего или крестьянина. Впервые эта идея прозвучала в одной из статей Сосновского, опубликованной через несколько дней после смерти Ленина в газете «Правда» от 27 января 1924 г. Ленин, по его мнению, имел два лица: «...одно – обращенное к грядущим десятилетиям... Второе – это Ильич» [10]. Этой статьей во многом было положено начало развития образа Ленина в двух ипостасях, одна из которых представляла официальную партийную позицию, а другая должна была отражать бытовое понимание вождя, столь характерное для незатейливого сознания рабочего или крестьянина.

Достижению этой цели служили конкурсы. После смерти Ленина был объявлен всероссийский конкурс на лучший его портрет, что способствовало формированию его иконографии и созданию канонов визуального образа. Через два года после смерти Ленина в журнале «Искусство трудящихся» появляется статья «К проблеме ленинского портрета», в которой автор говорит о том, что «тайна Ленинского облика» еще не разгадана. «Проблема Ленинского портрета приобретает свою подлинную глубину лишь в таком подходе к изобразительному заданию, который связывается с установкой на раскрытие в чувственном образе исторически отлагающихся черт массового представления о личности, претворяемой в красочно-ослепительную легенду» [12, с. 6]. Журнал «Искусство трудящихся» не просто освещает конкурс скульптур, но и обосновывает выбор той или иной работы. «В скульптурной работе М.А. Менделевича обращает на себя внимание удачной передачей той интимной теплоты облика, того неповторяемо своеобразного «освещения» лица... Отсюда и...та концепция живого, обыденно-близкого ...портрета...» [12, с. 19].

Безусловно, в развитии и обожествлении образа Ленина сыграли роль и созданные повсеместно ленинские уголки, которые образовывались везде, где только можно: в театрах и кинотеатрах, библиотеках и избах-читальнях, в сельских и заводских клубах, в школах и высших учебных заведениях. Развивать образ вождя

и первого теоретика советского государства был призван институт марксизма-ленинизма.

Но в то же время власть не могла позволить себе насаждать образ Ленина своей волей и силой. Поэтому особое внимание начинает уделяться народному творчеству, поэтам из народа, посвящавшим стихи или прозаические произведения Ленину, образ которого достаточно разнообразен и многовариантен. Это свидетельствует о том, что официальная иконография еще не устоялась, и не были выработаны каноны образа Ильича. Так, например, в «Жернове» была напечатана поэма, написанная в жанре былины «Володимир Ильич», где Ленин предстает могучим русским богатырем наподобие Ильи Муромца, радеющим за землю русскую и не побоявшимся пойти на врага проклятого [8, с. 10]. После 1924 г. на страницах журналов публикуются произведения поэтов-самоучек, посвященные Ленину. Анализируя журналы, можно заметить, что в это же время начинают публиковаться статьи Сталина, размещенные рядом с ленинианой. Продуманный Сталиным механизм воздействия на подсознание крестьян приводит к тому, что в массах рождается уверенность в единстве мыслей и действий этих лидеров партии, в их преемственности.

Среди огромного потока рассказов и стихов о Ленине постепенно формируются две основные ипостаси его образа: Ленин – великий вождь мирового пролетариата и Ленин – «самый человечный человек». Знаменательным с точки зрения понимания ленинианы является рассказ И. Горюнова «Никишкины волнения», в котором рассматривается вторая ипостась образа Ленина. В рассказе Ленин выступает в роли доброго, мудрого, все понимающего учителя и друга всех крестьянских детей. Главный герой рассказа очень напоминает толстовского Филиппка. Ему снится сон, будто в избу к нему пришел сам Ленин: «Слышал, учиться хочешь бросить? Ай, как плохо... Вся надежда была на тебя. Радвался: помощь растет... Пропадут мои труды даром...» [8, с. 5]. На страницах журнала рассказ сопровождался иллюстрациями работ художников из АХРП (Н. Струшников «Октябрята», Н. Терпсихоров «Ликвидация неграмотности в деревне»). Эти приемы психологического воздействия на сознание малограмотного крестьянина-читателя создавали, таким образом, законченное образное восприятие персонифицированной власти. Ленин постепенно становится в сознании человека не каким-то отвлеченным образом, а близким, понятным и родным человеком.

Таким образом, власть практически открыто словами своих корреспондентов говорит о необходимости создания образа-легенды, который максимально отражал бы «привычное представление о Ленине масс». Это приводит к тому, что портреты Ленина присутствуют как оформление на страницах журналов, появляются первые монументальные портреты, которые ставят на улицах различных городов. Возникает и кинография Ленина, кадры из которой печатаются в тех же журналах. В этих работах формируется хорошо знакомое нам каноническое представление о Ленине – вожде, кормчем, великом теоретике и практике революции.

Всплеск интереса к работам о Ленине приходится на 1925 – 1927 гг., что происходит не случайно. В это

время в разгаре политические дискуссии в партии, активная борьба Сталина за единоличное лидерство и постепенное вытеснение в ходе этой борьбы других видных партийных деятелей – Троцкого, Бухарина, Зиновьева и др. Если графические портреты Бухарина еще можно найти в крестьянских журналах, по портреты других деятелей партии – нет. Они полностью вытеснены ленинскими портретами. Таким образом, в массовом сознании простого гражданина формируются конкретные идеи, связывающие понятия «государство» и «партия», «революция» и «советская власть» с именем Ленина. К концу 1920-х гг. советское изобразительное искусство и литература практически формировали ленинскую иконографию. В дальнейшем встала задача увязать образ Ленина с образом Сталина в единое целое и выстроить иконографические каноны нового лидера партии и государства.

Но образ власти – это не только Ленин, какой бы великий он ни был. Власть – это и Советы, и государство, и правительство. Это и те мероприятия, которые проводит Совнарком в целом. Поэтому еще одной задачей культуры становится не только показать жизнь общества, но каждый раз доказывать, что эта жизнь меняется к лучшему, что изменения носят глубокий и безвозвратный характер. Постепенно в 1920-е гг. в рамках реализации этой задачи формируется советская пропаганда, большую роль в развитии которой, безусловно, сыграли журналы. Именно через них государство контролирует формирование собственного образа и его отражение в массовом сознании.

На страницах художественно-литературных журналов публикуются рассказы о новой жизни, о первых стройках индустриализации, о новых фильмах, выходящих на киностудиях СССР. Это приводит к тому, что появляются журналы («Кино-фронт» «Кино-неделя» и др.), посредством которых государство начинает контролировать и кинопродукцию. На страницах этих журналов публиковалась информация о новинках кино, помещались критические статьи. К 1927 г. в периодических изданиях прослеживаются достаточно жесткие установки на то, как и что надо снимать, рассматриваются вопросы социальной значимости кино-работ (например, «По закону»). На страницах журналов помещаются лозунги, напоминающие творческой интеллигенции на кого и как им необходимо работать. «Режиссеры, операторы, актеры, сценаристы, кинокритики – все советские киноработники! Не забывайте об основном потребителе кино – рабочем и крестьянине. Помните, что кино должно быть активным участником строительства социализма в нашей стране!» [2, с. 26]. В середине 1920-х гг. снимается достаточно большое количество социально значимых картин. Это «Мать» по роману М. Горького, «По закону», «Октябрь», «Москва», «Предатель», «Мисс-Менд» по роману М. Шагинян и др.

Постепенно кино становится все большей составляющей механизма пропаганды и сценария власти. «Кино – важнейшее из всех искусств... Нужно продвигать здоровое кино в городе, и особенно в деревне. Нужен внимательный подбор кинолента и изучение зрителя... Важно значение кино в пропаганде и индустриализации страны...» [2, с. 2]. Для власти необходимо было формирование образа, связанного с заботой о

народе. Поэтому, если говорить о периодике в целом, то на страницах журналов публиковались массовые фотографии на тему «Утренник АРК. Вокруг педагога», «С мамашей», кадры из жизни и быта рабочих и крестьян России.

Окончательное оформление образа власти и новых ее сценариев было завершено в 1930-е гг., что связано с культом И. Сталина. Но основные механизмы действия власти по конструированию собственных образов были заложены уже первое десятилетие существования советской власти.

1. *Багрицкий Э.* Автобиография // Советские писатели. Автобиографии. М., 1966. Т. 3.

2. *Болтянский Г.* Кино, наследство Ленина и наши задачи // Кино-фронт. 1927. № 2.

3. *Бурлацкий Ф.* Культ личности: как это делается // Культ личности. 1998. № 2.

4. *Вайскопф М.* Красный чудотворец: Ленин в еврейской и христианской традициях // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2001.

5. *Инбер В.* Избранное. М., 1950.

6. *Короленко В.* Письма Луначарскому // Всюду есть свет... Человек в тоталитарном обществе. М., 2000.

7. Ленин / сост. В. Крайний и М. Беспалов; под ред. Д. Лебеда. 2-е изд. Харьков, 1924.

8. *Новожилов И.* Володимир Ильич // Жернов. 1926. № 4.

9. *Пайпс Р.* Русская революция: в 3 ч. М., 2005. Ч. 3. Россия под большевиками. 1918 – 1924.

10. Правда. 1924. 27 янв.

11. *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб. 1997.

12. *Хвойник Игн.* К проблеме ленинского портрета // Искусство трудящихся. 1926. № 3.

13. *Энкер Б.* Начало становления культа Ленина // Отечественная история. 1992. № 5.